

Вэй Чан Хун посмотрел на Гао Цин Ян. Возможно, потому, что она была крайне напугана недавним событием. На ее лице не было прежнего спокойствия и привычной сдержанности. Она стала мертвенно бледной, и плотно сжала свои красные губы. Хотя дождь уже прекратился, после него на дороге остались большие и маленькие лужи. Из-за резких движений лошади, все ее тело оказалось испачканным грязью, брызги попали даже на лицо. Ее маленькое, изысканное личико выглядело довольно несчастным, но глаза изумительно горели.

Вэй Чан Хун не знал почему, но ему показалось, что в таком нелепом виде Гао Цин Ян выглядела даже несколько мило. На такую нее было гораздо приятнее смотреть, чем на обычную.

Гао Цин Ян медленно поднялась с земли.

Ее служанка с тревогой бросилась к ней, чтобы осмотреть ее. Вся в слезах, она спросила сквозь рыдания: "Мисс, вы в порядке? Нигде не болит?" После того, как Гао Дан Ян вышла замуж, Гао Цин Ян стала самой любимой дочерью графа Чжэня и его жены. И если с ней что-нибудь случится, то служанка может распрощаться со своей жизнью.

Гао Цин Ян покачала головой. Она бросила короткий взгляд на Вэй Чан Хуна, прежде чем сказать: "Спасибо, господин Вэй". На этот раз ее слова прозвучали искренне.

Вэй Чан Хун спрыгнул с лошади. Он спокойно ответил: "Не за что". Затем он передал поводья слуге, который только что подошел к нему.

Слуга был чрезвычайно благодарен и неоднократно поблагодарил его.

Вскоре герцог Чжэнь и его жена, которые сейчас находились в резиденции, услышали, что произошло снаружи, и сразу же поспешили на место происшествия. Они искренне поблагодарили Вэй Чан Хуна, а затем приказали, чтобы слугу, который был ответственен за присмотр за лошадью, наказали двадцатью ударами розгами и лишили зарплаты на три месяца. Герцог Чжэнь и его жена также с теплым гостеприимством пригласили Вэй Чан Хуна зайти к ним в резиденцию.

Однако Вэй Чан Хун лишь молча поднял руку в знак признательности, а затем сел на лошадь и уехал.

Герцог Чжэнь и его жена все еще пребывали в состоянии нерешительности и паники. Гао Цин Ян шла домой, придерживаясь за них, чтобы не потерять равновесие.

Герцогиня Чжэнь не могла не похвалить Вэй Чан Хуна: "Господин Вэй действительно выдающийся юноша. Он не только красив, но еще и очень талантлив".

Гао Цин Ян молча следовала за ними, но недавний образ Вэй Чан Хуна на лошади промелькнул в ее голове. Он смотрел на нее сверху вниз, а его широкие рукава развевались на ветру. Его красивые брови сильно нахмурились, когда он с большим неодобрением спросил ее: "Почему ты не отошла?"

Гао Цин Ян всегда думала, что он невежественный и некомпетентный человек и дамский угодник, зависимый от порошка из пяти минералов. Но в этот момент ей показалось, что фигура Вэй Чан Хуна была такой высокой и красивой. Гао Цин Ян достала шелковый платок,

чтобы вытереть грязь с лица. Она решила, что будет лучше, если она найдет время и съездит в резиденцию герцога Ина, чтобы еще раз поблагодарить его.

Стояла душная и жаркая летняя погода. Это было просто невыносимо. Вэй Ло лежала на диване из вяза, который располагался под решетчатой крышей для выращивания цветущих лоз, и слышала непрекращающееся стрекотание насекомых, раздававшееся со стороны деревьев. Она села и взяла чашу с холодным, как лед, супом из джамболана. Потягивая суп, она обратилась к Бай Лани: "Маши сильнее. Ты не наелась за обедом? Почему ты так слабо машешь?"

Бай Лань нахмурилась и сказала: "Ваше Высочество, вам скоро рожать. Вам лучше не пить так много холодного".

На кончике носа Вэй Ло образовался тонкий слой пота. Несмотря на то, что она пряталась под решетчатой крышей, она не могла сбежать от жары. Она снова легла на диван и лениво подняла глаза. "Не беспокойся. Я спросила доктора Суня об этом. Он сказал, что все в порядке. Если меня лишат даже возможности утолить жажду и выпить чего-нибудь холодного, я не знаю, как я смогу пережить это бесконечное лето".

Как только Бай Лань услышала, что доктор Сунь дал свое разрешение, она сразу перестала волноваться. Доктор Сунь был гораздо более осведомленным, чем они.

Вэй Ло прилегла на диван, чтобы немного отдохнуть. Когда Чжао Цзе вернулся домой, ее глаза были закрыты, и она мирно спала.

Чжао Цзе махнул рукой, дав знак, что Бай Лань и Цзинь Лу могут быть свободны, и тихо присел на диван. Он убрал распущенные волосы со лба Вэй Ло и осторожно вытер пот своим большим пальцем.

Во время сегодняшнего утреннего дворцового собрания император Чун Чжэнь поднял вопрос об избрании нового императора. Дворцовые министры, которые ранее выступали против Чжао Цзе, уже бесследно исчезли. Некоторые из них попали в аварию по дороге. Других министров обвинили во взяточничестве после тщательного расследования императора Чун Чжэня. Были также министры, которые сами проявили инициативу и ушли со своих официальных должностей, вернувшись в сельскую местность. Все между собой молча понимали, кто стоит за всем этим.

Кроме принца Жуя, который выразил свое несогласие, никто больше в императорском дворе не осмеливался сказать ни слова против. Несмотря на это, император подавил свои возражения, и ему оставалось только отступить на исходную позицию.

Вопрос о выборе наследного принца был решен именно так. Как только министерство обрядов выберет благоприятную дату, а министерство юстиции закончит подготовку и доработку документов, принц Цзин Чжао Цзе будет провозглашен наследным принцем. Император Чун Чжэнь объявил, что покинет императорский двор, как только это будет сделано. Прямо перед всеми император Чун Чжэнь попросил Чжао Цзе пройти с ним в императорский кабинет. Это должно было ясно продемонстрировать, что они будут обсуждать важный вопрос.

Принц Жуй стоял в зале Хань Юань с мрачным и холодным взглядом. Вскоре он махнул рукавом и вышел из зала.

По лицу Чжао Чжана тоже было видно его недовольство. Он сжал кулаки в рукавах, прежде чем последовать за принцем Жуем и покинуть зал вместе с ним.

Император Чун Чжэнь рассказал Чжао Цзе о наводнении в Цзян Нане и спросил его мнение по этому поводу. После того, как они закончили обсуждать этот вопрос, он больше ничего не сказал и просто махнул рукой, чтобы Чжао Цзе вышел из комнаты.

Прежде чем Чжао Цзе покинул кабинет, император Чун Чжэнь отложил кисть и посмотрел в окно на голубое небо и белые облака. Он вдруг вздохнул: "Как только ты взойдешь на трон, этот император покинет столицу вместе с твоей императорской матерью и отправится в долгое и неторопливое путешествие по стране как муж и жена".

Чжао Цзе задержался на мгновение, прежде чем уйти, не сказав ни слова.

Движения Чжао Цзе разбудили Вэй Ло. Когда она открыла глаза, то увидела, что он погрузился в раздумья. Она не смогла удержаться и, протянув руку, помахала ей перед его лицом. Она спросила: "О чем ты задумался?"

Черные глаза Чжао Цзе снова задвигались. Он схватил Вэй Ло за ее мягкие пальцы, изогнул губы в улыбке и сказал: "Я думал о том, кто у нас родится, сын или дочь".

Вэй Ло ответила с большой уверенностью: "Он такой озорной. У нас точно родится сын. К тому же, если беременной женщине хочется кислого, значит, у нее будет сын. А если она хочет острого, значит, у нее родится дочь. В последнее время, мне очень нравятся кислые сливы".

Не то чтобы Вэй Ло отдавала предпочтение сыну, а не дочери. Она просто делала предположения, основываясь на том, что знала. Честно говоря, Вэй Ло все еще хотела родить дочь немного больше. Все говорили, что дочь похожа на маленькую ватную курточку, которая всегда будет нежной и заботливой по отношению к своей матери. Она тоже хотела себе такую курточку.

Чжао Цзе молча улыбнулся. Некоторое время спустя он наконец сказал: "Вчера я думал над именем для нашего ребенка. Хочешь послушать?"

Вэй Ло заинтересовалась: "Хочу".

Чжао Цзе продолжил: "Если родится сын, то в его имени будет один китайский иероглиф, Си. В нем будет заложена теплота и гармония солнечного света. Если родится дочь, то назовем ее Жань Жань. Жань от ши гуан жэнь жань". Он посмотрел на Вэй Ло, ущипнул ее маленькое круглое личико и спросил: "Что ты думаешь?"

(Ши гуан жэнь жань – это идиома, которая означает прошествие времени, используемая для выражения эмоционального чувства того, что время быстротечно).

Вэй Ло поразмышляла немного и пришла к выводу, что оба эти имени были довольно хороши. "Ты обсуждал это с Его Величеством?"

Чжао Цзе ответил: "Зачем этому принцу обсуждать с ним имя моего собственного ребенка?"

Все имена потомков императора должны были быть сначала утверждены самим императором. Тем не менее, это был не первый или второй раз, когда Чжао Цзе действовал так высокомерно. По всей вероятности, у императора Чун Чжэня тоже до сих пор не нашлось способа справиться с ним.

Вэй Ло кивнула: "Оба имени очень хорошие. Тогда с этим решено".

После того, как они закончили обсуждать это, Чжао Цзе протянул руки, чтобы обнять Вэй Ло. Он не проводил с ней время уже очень много дней. Сейчас он просто хотел побыть рядом с ней.

Неожиданно она ловко уклонилась от него, быстрее кролика. С таким взглядом, как будто она боялась, что не сможет убежать от него, она нахмурилась и сказала: "Слишком жарко. Держись от меня подальше. Не подходи ближе".

Она вдруг вспомнила о чем-то и огляделась: "Почему ты отпустил Цзинь Лу и Бай Лань? Теперь больше некому меня обмахивать. Неудивительно, что мне так жарко..."

Чжао Цзе знал, что Вэй Ло не нравится жара, но он все еще чувствовал себя немного задетым ее реакцией, и на его лице появилось нехорошее выражение.

Чжао Цзе схватил Вэй Ло за тонкое белое запястье, наклонился и легко прижал своим телом. Он спокойно посмотрел на нее сверху вниз: "Ты хочешь, чтобы я держался подальше?"

Вэй Ло слегка отодвинулась. Несмотря на то, что ей было жарко, в этот момент она не осмелилась озвучить свою жалобу.

Чжао Цзе опустил голову, чтобы укусить ее за шею. Он сделал несколько слабых укусов, и его голос становился тише и тише: "А Ло, ты знаешь, как трудно мне было сдерживаться в течение последних нескольких месяцев?"